

УДК 39+91

*Латушко Ю. В., Самар А. П.,
Белая Е. Г., Левченко А. В.*

Историко-культурные ландшафты Амура в современной нанайской культуре (по материалам полевого исследования 2019 г.)

Памяти Е. А. Гаер

Летом 2019 г. группа исследователей из Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН провела серию экспедиций – на Амуре, Сахалине и Камчатке. Работа осуществлялась в рамках темы "историко-культурные ландшафты (ИКЛ) островной и прибрежной зон Северной Пасифики". Суть проекта в накоплении и анализе этнологических и культурно-антропологических данных по проблеме формирования и изменения ИКЛ северо-западной части тихоокеанского побережья и связанных с ним бассейновых территорий; в оценке роли аборигенных и пришлых культур в данном процессе, а также трансляции соответствующих знаний в рамках локальных этнических, профессиональных и иных миноритарных сообществ и субкультур.

Термин "историко-культурный ландшафт" (или "культурный ландшафт") пришел в этнологию из географии [6]. Историческая география оперирует им, желая показать единство природных и культурных объектов, влияющих как на формирование тех или иных культур, так и на специфику антропогенного освоения конкретной территории.

Впрочем, категория ландшафта давно эмансипировалась и сегодня, с учетом предметных нюансов, широко используется в целом ряде дисциплин – от географии и экологии до культурной антропологии и психологии.

В этнологии данная категория имплицитно присутствует в подавляющем большинстве работ всех направлений. Так, например, характеристика народов по хозяйственно-культурным типам или же историко-культурным областям начинается с очерчивания ареальных границ культуры. Слово "ландшафт" может и не использоваться, но почти всегда подразумевается. Часто связку естественного и культурного ландшафтов (связка "человек-природа") показывают в рамках "энвайронменталистского" подхода, который имеет глубокие культурно-экологические корни в антропологии, а сегодня зачастую решается на основе междисциплинарных исследований [5, с. 9].

Ландшафт как научная категория описывает генетически однородный природно-территориальный комплекс [21]. Здесь важно отметить его структурированность и внутреннюю связность всех компонент. В естественных науках внимание уделяется геологическому фундаменту, рельефу, гидрографическим особенностям, почвенному покрову, климатическим условиям и биоценозам. Антропологи же акцентируют внимание на образе территории, который напрямую или опосредованно отражен в культуре/субкультуре (эт-

© Латушко Ю. В., Самар А. П., Белая Е. Г., Левченко А. В., 2019

ЛАТУШКО Юрий Викторович, канд. ист. наук, заведующий лабораторией антропологии Северной Пасифики Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** latushko@ihaefe.ru

САМАР Андрей Петрович, канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** samar_a2004@mail.ru

БЕЛАЯ Евгения Григорьевна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** vlasov54@bk.ru

ЛЕВЧЕНКО Арина Вадимовна, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** arina_levchenko_25@mail.ru

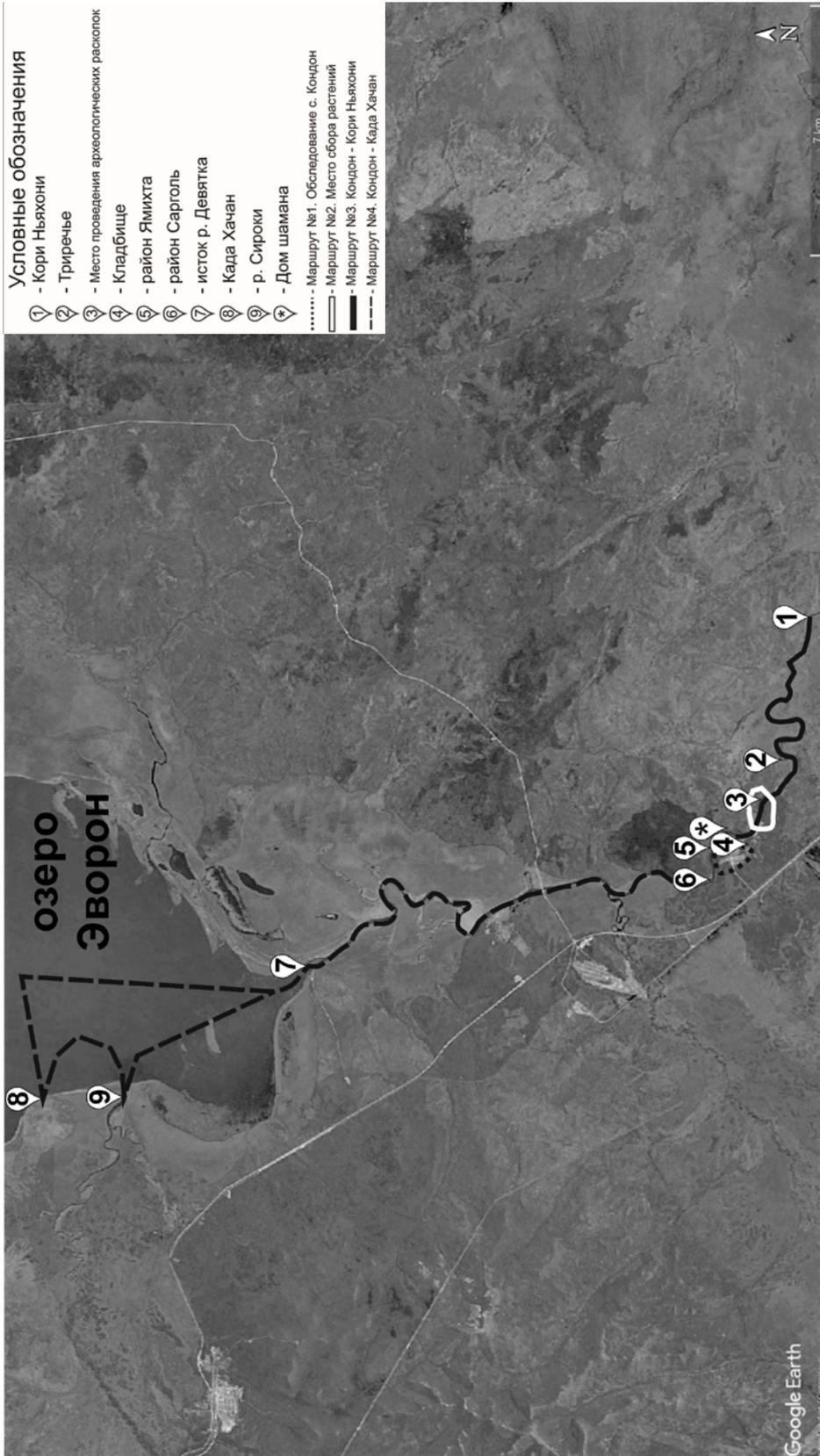

Рис. 1. Карта-схема маршрутов Амурского этнологического отряда ИИАЭ ДВО РАН, июль 2019 г. Источник: составлено авторами.

Фото. 1. Вид на с. Кондон с р. Девятка (р. Хуин). Центральный район села. (Автор Ю. В. Латушко).

нической, профессиональной, конфессиональной и др.). Этот образ формирует и очерчивает территориальные границы исследуемой культурной группы, влияет на деятельность людей, их стереотипные представления о поведении "своих" и "чужих", рождая символическое поле коммуникации.

Таким образом, "историко-культурный ландшафт" учитывает как существующие культурные реалии, так и исторические особенности формирования культурного наследия на данной территории, а также исторические объекты, которые не сохранились до наших дней. Он формирует региональное этнокультурное поле, включающее всю совокупность элементов материального и нематериального наследия, принадлежащего всем этносам, оставившим след в культуре данного региона [2]. Это и традиционные жилища, пища, одежда, местный фольклор, мифология места, восприятие местным сообществом своих традиций и образа ближайших соседей, благодаря чему проходит демаркация своего и чужого пространств. В таком случае физико-географические (ареальные) границы могут многое рассказать не только о характере и модальности хозяйственного освоения территории, но и структуре массового сознания той или иной группы населения, а также дать дополнительные сведения о культурной специфике и векторе ее изменений [14].

В настоящей статье мы не ставим перед собой цель углубить теоретическое понимание ИКЛ, а предлагаем обратиться к части нашего исследования, а именно к первичному анализу полевых данных, собранных Амурским этнологическим отрядом в национальных селах Кондон и Бельго (рис. 1). Опорной точкой исследования выступало село Кондон, точкой контрольного сравнения – с. Бельго. Оба села – места традиционного проживания нанайцев. Село Бельго расположено примерно в 20 км ниже Комсомольска-на-Амуре по основному руслу Амура, однако расстояние по автодороге почти в пять раз больше. В 2013 г. село было разрушено катастрофическим наводнением, новое село, отстроенное несколько в стороне, в 2019 г. также подверглось значительному подтоплению.

Село Кондон расположено в более удобном месте – на р. Девятка, которая впадает в р. Горин – левый приток Амура (фото 1). Свой исток Девятка берет в оз. Эворон (примерно в 32 км к северу от с. Кондон). Особенностью реки является то, что она единственная вытекает из озера, остальные

Фото 2. Мари. (Автор Ю. В. Латушко).

восемь – впадают (отсюда и название). Такая особенность, безусловно, отразилась и в фольклоре местного населения. Девятке приписывались особые свойства.

Еще одним важным обстоятельством является расположение села на границе Среднего и Нижнего Амура, в пределах естественного коридора, который как минимум с неолитического времени был удобным путем для перемещения людей с основного русла Амура в его среднем течении на Охотское побережье и обратно по системе озер – Эворон и Чукчагирского – в бассейны рек Амгунь и Тугур. Примерно по границе озер проходила и линия раздела между народами-рыболовами и народами-оленоводами. В разные эпохи климат мог меняться, поэтому эта граница была весьма пластичной. Демографическое движение подобного рода отдельная тема для изучения и не является задачей настоящей статьи.

Эворонская депрессия и окружающая её территория расположены в пределах западного крыла Амура-Уссурийского синклинория (геологическая складчатая структура). Формы рельефа этого района объединяют в несколько типов: денудационные (древние поверхности выравнивания), эрозионно-денудационный (мелкосопочник и отдельные останцевые горы), эрозионно-аккумулятивный (озерные и речные морфологические комплексы) [16, с. 57, 59].

Котловина оз. Эворон – часть Эворон-Чукчагирской депрессии шириной 50 км и длиной более 100 км по периферии – обрамлена мелкосопочником и остатками реликтовых поверхностей выравнивания. Речные долины имеют пологие вогнутые склоны с широким заболоченным дном и заняты марями (фото 2) и мелкими озерами. Геоморфологический комплекс представлен поймой и серией надпойменных террас [16, с. 60].

Изучаемый район находится под воздействием восточноазиатской муссонной циркуляции. Вследствие этого происходят сезонные изменения направления ветра и правильное чередование типов погоды в разное время года. По восточной окраине азиатского антициклона холодный воздух поступает в южные широты. Летом морской воздух проникает на сушу, принося обильные осадки и облачность.

Климат района умеренно холодный и влажный. Среднегодовая температура воздуха в районе 2,9°C (в Комсомольске – 0,7°C); средняя температура января –28,2°C; июля +18,1°C [1; 16, с. 60]; годовая температура амплитуды –46,3°C. Температурный режим района отличается от среднеширотного в сторону большей континентальности. За год выпадает 550–600 мм осадков. Зима длится более 5 месяцев и относится к типу умеренно-суровых. Весна хо-

Фото 3. Сопка "Спящий Дракон". (Автор Ю. В. Латушко).

лодная и ветреная. Лето умеренно теплое и влажное. Вегетационный период продолжается 90–115 дней, сумма температур 1800°C. За это время выпадает 70–96% годовой нормы осадков. Осень короткая, вторая половина сухая.

Гидрографическая сеть района представлена системой рек, впадающих в оз. Эворон, которое относится к числу крупнейших водоёмов Нижнего Приамурья. Его длина 25 км, ширина 10–12 км, глубина 2–3 м с сезонными и годовыми колебаниями. Берега озера окружены поймой и серией террас. Пойма заболочена, имеет небольшие увалы и озера. Долинный комплекс рек представлен надпойменными террасами и поймой. Тяжелый механический состав пород, близкое залегание многолетней и сезонной мерзлоты – главные причины заболачивания пойм [16, с. 62–64].

Район расположен на стыке двух ботанико-географических подобластей: на севере и востоке южнохотской темнохвойной и на юге и западе восточносибирской светлохвойной. Здесь проходит граница некоторых представителей маньчжурской флоры, проникших сюда по долине р. Горин (ясень маньчжурский, ильм лопастной, дуб монгольский и др.) Сухие каменистые склоны южной экспозиции часто заняты дубом монгольским, образующим редкое криволесье с разнообразным травным покровом [8; 9; 23].

Водоразделы, склоны речных долин и отдельные вершины гор покрыты горными лиственничниками. Главная лесобразующая порода – лиственница даурская. Также обычны здесь ель аянская и береза даурская, встречается пихта почкочешуйная.

Природные ландшафты тесно связаны с комплексом промысловой обрядности, символическим осмыслением пространства в искусстве и сохраняющихся до сих пор представлениях, ритуально-типизированных действиях и праздниках [13; 18].

Культ скал. К комплексу промысловой обрядности нанайцев относится культ почитания хозяев гор, скал и других природных объектов. Своим происхождением эти ритуалы уходят далеко в прошлое. В представлениях нанайцев от хозяев гор и отдельных местностей зависела промысловая удача охотников. Оказавшиеся на маршруте культовые места обязательно посещались охотниками, следовавшими на промысел. Артель останавливалась у таких объектов, совершались обряды, угощали ритуальной пищей священные скалы для получения промысловой удачи, просили помочь не заболеть во время промысла.

В окрестностях села Кондон, вдоль реки Девятки, компактно расположен комплекс из трех основных мест поклонения культу священных скал. В этом комплексе главным считается *Кайласон* (фото 3) – спящий дракон ("черепаходракон", от кайлан (нан.яз.) – амурская речная черепаха), части

Фото 4. "Сердце Дракона". (Автор Ю. В. Латушко).
(ныне памятный знак – День Победы в Великой отечественной войне).

тела дракона так же наделены священным статусом. Через реку напротив стойбища Кондон располагается *Миава* – сердце дракона (фото 4), чуть ниже по течению голова дракона *Кондо*, выше по течению реки, на ее изгибе, находится его живот (стойбище *Ямихта*), на другом повороте реки заканчивается гряда сопки – это хвост дракона *Ургули*, его ноги *Чонги* (стойбище *Сарголь*) (фото 5). [15, с. 135].

Таким образом, все основные географические точки села, его исторические районы объединяются общим телом мифического животного. Сердце Дракона расположено напротив центрального района, некогда главного стойбища одной из трех основных родовых групп, образовавших село. Численность жителей окраинных районов села могла колебаться в разное время, в центре же она оставалась сравнительно стабильной.

В нескольких километрах от села расположен другой не менее важный ритуальный комплекс – *Мория хурэн*. Недалеко от этого места река расходится на три рукава, и в точке схождения в одно русло разбивается о вертикально стоящую скалу. На склоне у места слияния располагаются фигуры мифических животных – Лошади Морин и двух жеребят, группа состоит из небольших скальных выступов. Ниже по течению, в месте, где сопка уходит в сторону от берега, есть осыпь скальной породы, лишенная растительности – это место падения и смерти птицы Кори — *Кори Няхони* (фото 6). Согласно легенде, огромная как амбар птица, с когтями на лапах, словно огромные пшени, перьями из железа, охотилась на людей. Богатырь (мэргэн) убил чудовище из лука, птица упала на сопку, скатилась к реке и там околела. Этому месту кондонцы и сегодня поклоняются и приносят жертвоприношения.

Место выше, где сопка как бы расколота ущельем, старики называют *Пудин пачилохани*. Оно связано с легендой о Пудин-богатырше, которая ударила по черту, и от удара кройной доской сопка раскололась на две части.

Вверх по реке находится озеро *Эворон*, в прошлом его называли *Самагирским*, здесь среди небольших скал на северо-западном побережье находится сопка *Када-Хачан*. *Када* – это каменные столбы на речных и морских мысах, такие природные объекты, как правило, становились местом поклонения.

Фото 5. Район Сарголь, вид с р. Девятка (р. Хуин). (Автор Ю. В. Латушко).

Немаловажно повторение еще одного видимого признака. Часть сопки здесь почти лишена растительности, как и в случае с *Кори Ньяхони*.

С данным местом связаны представления о хозяйке озера, которая живет в этих скалах. Охотники угощали табакom и водкой старую женщину – хозяйку сопки. Принося ритуальное угощение, охотники просили у неё благоприятной погоды на воде, "...угощали медвежьим жиром, чтобы вода была гладкой как жир". Нередко после отправления ритуала озеро успокаивалось. Охотники отправляли подобный обряд всякий раз по пути на промысловые участки. Когда времени совсем не было, промысловики ограничивались угощением хозяйки озера на воде, повернувшись в сторону *Када-Хачан* (Архив ИИАЭ ДВО РАН¹. Д. 526. Л. 34–35) (фото 7).

В культовой скульптуре отразились представления кондонских нанайцев о хозяине реки *Хуин* (р. Девятка), зооморфная фигура объединяет в себе черты мифического водного существа и медведя [3, с. 194].

Стойбище Кондон и его окрестности представляют собой единый комплекс мифоритуального пространства. В культе природных объектов сохраняется родство представлений у всех территориальных групп нанайцев и в целом у этносов, населяющих Амуро-Сахалинскую историко-этнографическую область [19, с. 110]. Память о месте носит живой характер через придание значимости географическим объектам в бытовой культуре и сознании жителей села.

Декоративное искусство. Образы места довольно точно воспроизводятся в легендах и становятся частью картины мира, которая в символическом виде сохраняется в народном творчестве. Важнейшим каналом осмысления и сохранения своей культурной идентичности сегодня является декоративное искусство.

В селе Кондон есть детский сад, среднеобразовательная школа, а также национальный культурный центр. Во всех учреждениях ведётся деятельность по сохранению традиционной культуры и её передаче как в канонизированной, так и в актуализированной формах. По результатам опросов и анкетирования, стало известно, что, по меньшей мере, 15 человек (преимущественно женщины) из 570 жителей села заняты в сфере декоративно-прикладного

¹ Архив ИИАЭ ДВО РАН – Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Фото 6. Кори Ньяхони. (Автор Ю. В. Латушко).

искусства и имеют от этого тот или иной доход, в том числе не менее 10 профессиональных вышивальщиц (Левченко А. В. Полевые материалы. Кондон, 2019).

Различие подходов к творчеству можно проиллюстрировать примерами двух наиболее известных мастеров села: Людмилы Фёдоровны Самар и Натальи Мамоджоновны Дигор. Несмотря на то, что они тесно сотрудничают друг с другом, концепции их творчества противоположны.

Н. М. Дигор занимается актуализацией² нанайского искусства (фото 8). Она имеет высшее художественное образование, специализируется на бумагопластике, является единственным мастером в селе, работающим с рыбьей кожей. Помимо занятий народными ремёслами, Наталья с детства училась народным танцам у известного хореографа Мадо Сопчоновны Дечули, теперь же самостоятельно руководит хореографическим ансамблем "Кэку" (фото 9).

Творчество Н. М. Дигор основано на стилизации художественных элементов нанайского искусства. Канон является для неё не шаблоном, а источником вдохновения.

Условно, её работы делятся на два типа: утилитарные и декоративные. К первым относятся такие изделия, как поясные сумки, наручные и налобные украшения. Все эти предметы шьются мастером из рыбьей кожи, украшаются вышивкой, бисером, а также фурнитурой из современных материалов. Одна из поясных сумок была украшена старинной круглой металлической подвеской (со слов мастера, маньчжурского происхождения). Мастер не стремится использовать лишь природные материалы и традиционные способы оформления. Данные изделия полностью функциональны и задуманы автором как аксессуары, вписывающиеся в тенденции современной моды. "Сумочки современные. Я хочу придумать так, чтобы это было интересно носить самому. Если я что-то делаю, я делаю как для себя, что я хотела бы и могла носить. И в то же

² Актуализация – под этим термином мы понимаем перевод чего-либо из состояния потенциального, не соответствующего современным условиям, в состояние реальное, актуальное, соответствующее современным условиям; превращение чего-либо в нечто важное, насыщенное, актуальное.

Фото 7. Озеро Эворон, Када-Хачан, угощение хозяйки места А. Г. Самаром. (Автор Ю. В. Латушко).

время, чтобы это было с национальным колоритом", – говорит Н. М. Дигор (Левченко А. В. Полевые материалы. Кондон, 2019).

Традиционный компонент этих изделий связан с материалом (рыбья кожа) и сюжетом (Небесный Дракон, элементы узоров). Актуализация обусловлена использованием современного дизайна с расчётом на широкого потребителя. Так же мастер отступает от традиционных способов размещения орнамента на аксессуарах, что значительно отдаляет образ вещей от традиционных аналогов.

Другой тип работ Н. М. Дигор – крупноформатные бумажные аппликации. Произведения создаются путём вырезания фигур на одном листе бумаги и наложением его на другой целый лист контрастного цвета.

Техника бумагопластики хорошо известна на Амуре: Анна Александровна Самар (1918 г. р.) из Комсомольска-на-Амуре славилась виртуозным умением вырезать орнаментальные композиции из бумаги без нанесения предварительного эскиза. Людмила Уламовна Пассар вырезает

композиции на бересте, иллюстрируя старинные мифы и легенды. У каждого из мастеров присутствует в работах индивидуальное авторское начало. Но в творчестве Н. М. Дигор известная техника применена к современной эстетике [22, с. 56–60].

Стилизация происходит через упрощение и сведение различных вариантов спирального орнамента к простейшему спиральному паттерну. Сюжеты аппликаций восходят к представлению о священном (шаманы, животные, образы места и т. п.).

Произведения имеют внутреннюю динамику, благодаря свободному расположению отдельных элементов и мягкости разнонаправленных волнистых линий, "чешуек" и небольших спиралей.

Традиционные нанайские композиции, напротив, более статичны. Их строгая симметрия и упорядоченность фигур придает композиции эффект замкнутости и неподвижности.

Характерным элементом творчества Н. М. Дигор является небесный дракон *Сиймур*, который имеет змеевидную форму тела и крылья [22, с. 75]. Кондонские мастера считают образ дракона одним из древнейших в нанайском искусстве и используют его в своём творчестве.

Н. М. Дигор часто принимает участие в художественных выставках и конкурсах, в том числе международного уровня. Так, например, в 2019 г. она была удостоена Гран-при Международного конкурса "Великая моя страна!" в рамках творческого проекта "КИТ" в номинации "декоративно-прикладное искусство". Нередко ей приходится параллельно участвовать в нескольких проектах не только как художнику, но и как хореографу. Такая разносторонняя творческая деятельность, безусловно, способствует популяризации традици-

Фото 8. Пояс из рыбьей кожи, мастер Н. М. Дигор. (Автор А. В. Левченко).

онного нанайского искусства, а также развитию его современных форм. Сегодня для Н. М. Дигор декоративное искусство не является основным средством заработка. Её работы покупаются редко, но по хорошей цене. Художница не рекламирует своих изделий, о них узнают случайно или через знакомых. Среди поклонников искусства Н. М. Дигор есть и постоянные покупатели её произведений. Специального подсчёта проданных изделий мастер не ведёт, много работ она дарит. Таким образом, ее творчество можно считать авторским.

Произведения создаются к выставкам, либо по пришедшему вдохновению. Через свое искусство Н. М. Дигор заявляет о себе как о представителе нанайского этноса, пробуждает интерес у публики к традиционной культуре её народа: "... хочу как-то заявлять о себе. Хочу, чтобы люди, которые приходят на мои выставки, смотрели на мои работы и заинтересовывались нашей культурой <...> Чтобы не говорили о нанайцах плохо" (Левченко А. В. Полевые материалы. Кондон, 2019). Художница гордится своей национальностью и, несмотря на имеющиеся возможности, не собирается покидать родного села.

Следующий пример относится к творчеству Л. Ф. Самар. Она известна как большой мастер в пошиве нанайских праздничных халатов, искусная вышивальщица, автор узоров. Мастерством овладевала с детства, перенимая навыки у своей матери. Со временем она освоила технику работы с берестой, рыбьей кожей и шкурами животных. Л. Ф. Самар работает только в традиционном стиле, при этом она никогда не копирует готовые орнаменты. Все узоры на изделиях разработаны ею лично. Таким образом, становление Л. Ф. Самар как мастера имеет иную форму.

Как правило, в ее работах нет очевидных инокультурных влияний, даже близких тунгусских. Оформление вышивки этих узоров Л. Ф. Самар заказывает у местных вышивальщиц. В настоящее время, шитьё традиционных халатов является основным средством её заработка. Основными её заказчиками также являются народные ансамбли (*фото 10*).

Материалом для шитья служит ткань, которую она предпочитает трудоёмкой работе с рыбьей кожей.

Кроме работы над заказами для танцевальных коллективов, мастер не учитывает пожеланий индивидуальных заказчиков. Автор основывается на личном видении традиции. При этом в её работах отчётливо прослеживается собственный стиль.

Среди работ Л. Ф. Самар часто встречается свадебный халат *сикэ*. Такой халат имеет застёжку спереди, на задней нижней части его подола помещаются изображения Родового Древа. Рукава и полочки зачастую украшаются чешуйчатым орнаментом, либо цветными вставками прямоугольной, ромбовидной, треугольной, зигзагообразной и т. п. формы [12, с. 18]. В изделиях Л. Ф. Самар соблюдает каноны оформления *сикэ*. Как правило, вы-

Фото 9. Ансамбль "Кэку" на праздновании Дня Рыбака, с. Кондон, 12.07.2019 г.
(Автор Ю. В. Латушко).

шивка выполнена разноцветными шёлковыми нитями или нитями мулине. Однако в её изделиях заметно некоторое смещение декоративных акцентов. Сама мастерица отмечает, что силуэт традиционной одежды изменился: халат стал длиннее и потерял характерный клёш. Сравнимая праздничные халаты Л. Ф. Самар и те, что имели хождение среди горинских нанайцев ещё во второй половине XX в., выяснилось, что стиль их оформления заметно изменился [17]. Изделия Л. Ф. Самар очень пёстрые, часто сшиты из отдельных контрастных лоскутов. Линия орнаментальной вязи стала шире, сам мотив укрупнился и потерял в плотности. Количество орнаментальных раппортов уменьшилось. Таким образом, акцент с орнамента сместился на контрастные детали ткани. В старину праздничные халаты так же могли шиться из разных по величине контрастных лоскутов, но орнамент не "терялся" на их фоне и всегда был важнейшим декоративным элементом [17]. Сама Л. Ф. Самар не придаёт этой особенности значения. Возможно, такое смещение акцентов происходит по причине большого разнообразия тканей, доступных сегодня.

Трансформации в оформлении костюмов, которые шьёт Л. Ф. Самар, закономерны и с точки зрения развития традиции. Нанайские женщины, перенимая орнамент у матери, всегда стремились внести в него нечто от себя [11, с. 8, 17]. Появление различных тканей, цветных ниток и других рабочих и декоративных материалов сказывалось на нанайских нарядах. И, тем не менее, ее работы имеют принципиальные отличия, которые могут влиять сегодня на будущий образ нанайского костюма.

Халаты Л. Ф. Самар пользуются спросом среди нанайцев по всему Хабаровскому краю. Учитывая авторитет, который имеет мастерица среди кондонцев, можно предположить, что халаты её работы оказывают достаточное влияние на представления о традиционной эстетике нанайской одежды.

Фото 10. Ансамбль "Горин" в костюмах работы Л. Ф. Самар.
Источник: семейный альбом Н. М. Дигор.

Творчество Л. Ф. Самар и Н. М. Дигор являют собой два контрастных примера развития современного нанайского искусства. Подходы мастеров в творчестве разные, но степень их влияния на нанайское искусство соразмерна, как и роль в популяризации нанайской культуры и формирования её образа далеко за пределами родного села.

Отметим и то, что отраженный в искусстве символический образ местности закрепляется в сознании не только локальной нанайской общины, но и широко известен их соседям.

Современные праздники. Праздники являются концентрированным выражением духовной и материальной культуры. Среди них календарные праздники наиболее этно специфичны. В то же время они отражают типологическую общность человеческой культуры, влияние историко-культурных контактов и связей [7, с. 3]. Мы понимаем праздник как сюжетное событие, значение которого передается из поколения в поколение, отражая общественный уклад народа с установленными традициями, обычаями и обрядами. В результате проведенных в советское время реформ произошли существенные изменения в этническом сознании и культуре, сформировались новые ценности нанайского общества. Советский праздник действовал как пропагандистский инструмент, направленный на внедрение новых символов, ритуалов, не сильно считаясь с национальным своеобразием культуры. В результате в повседневную жизнь нанайцев наряду с традиционными праздниками прочно вошли такие, как Новый год, День защитника Отечества, Международный женский день, День космонавтики, День Победы, День рыбака, День физкультурника, День Конституции СССР, День учителя и др.

Эти изменения отразились в структуре национального праздника. Например, День рыбака, который широко отмечается на Амуре ежегодно во второе воскресенье июля, был официально установлен Указом Президиума Верховного Совета СССР первого октября 1980 г. Так как рыбный промысел является основным источником жизнеобеспечения местного населения, то и празднику придается особое значение.

Сравнение празднования Дня рыбака в двух селах наглядно демонстрирует тесное взаимопроникновение нанайской и русской культур. В практику вошло выступление солистов с русскими народными песнями и нанайскими танцами. Важно, что национальные традиции проведения некоторых обрядов не ушли в прошлое, а сохраняются и в наши дни. Так, например, гости празд-

Фото 11. Обряд кормления духа воды на праздновании Дня Рыбака, с. Бельго, 12.07.2019 г. (Автор Е. Г. Белая).

ника, в обоих селах проходят через ивовые ворота, что является символом очищения в ходе обряда *илчиори*. Ива считается священным деревом, листья которого отпугивают злых духов.

До сих пор важную роль в современных праздничных мероприятиях играет культ воды и огня, который состоит из разнообразных ритуалов моления или кормления духов. В селе Бельго после обряда очищения приглашают к обряду умилоствления духа огня *Подя* – кормлению жертвенной пищей из ритуальной посуды *нойона*.

В обоих селах на плетеных маленьких тарелках из тальника *соро* раздавали цветные лоскуты, чтобы гости повязали их на Древо Жизни, загадав при этом желания. Священное дерево часто выступает пространственным центром в обрядах кормления хозяев территорий. Мы предполагаем, что этот ритуал пришел из нанайского осеннего праздника *Унди* или лечебного обряда *Дусху*. В те времена завершающий ритуал шамана проходил около дерева *тороан* (тальник). Одним из главных атрибутов был шаманский пояс *соона* с разноцветными лоскутками, за которые во время обряда держались присутствующие. Считалось, что таким образом они получают через шамана от верховного божества силу плодородия [10, с. 176]. При беседе с директором школы с. Бельго, Ольгой Ивановной Кузюриной, выяснилось, что этот ритуал в селе возродился недавно (Белая Е. г. Полевые материалы. Кондон, Бельго, 2019).

Традиционно хозяином водной стихии считался дух *тэму*. К берегу реки несли жертвенную пищу *сугдиче*, бросали ее в воду со словами: "Гей, Тэму! Получай! тебе даем угощенье! И твоей собаке тоже. Помогите хорошо про-

мышлять, не мешай!" Для кормления несли жертвенную пищу – пшеничную кашу, фасоль, корни лекарственных трав [4] (фото 11). У самого берега устанавливали столбики со священными стружками. На берегу загружали *нойона* оставшейся пищей и от среднего столбика отталкивали в реку. Считалось, что дух воды принимает дары, если пища быстро идет ко дну [4, с. 26]. В селе Бельго этот канон соблюдался. В Кондоне же обряд кормления проводился без особого сопровождения.

Структурообразующим праздником выступает и традиционный осенний праздник первой рыбы *дава биани*, когда в реку Амур на нерест заходит рыба кета. Раньше перед началом путины нанайцы преподносили жертвенную пищу духу-хозяину, просили его помощи в рыбной ловле. Важность рыбного промысла отражена в календаре нанайцев, в нем пять месяцев носили названия по именам рыб. Основной смысл праздника – совершение обряда задабривания *Муэ Эднурни*, владыки Амура. В селе Кондон его называют праздником "первой рыбы" и не отмечают массовыми гуляниями, как в нанайских селениях по основному руслу Амура. В этом отличии, возможно, проявляется локальная специализация разных групп нанайцев.

Нанайский Новый год отмечают по восточному календарю, который обычно выпадает на конец января – середину февраля. Отмечают его люди пожилого возраста, которые помнят традиционные обряды и ритуалы обращения к духам. По нашим наблюдениям, на протяжении всего праздника в квартире с восточной стороны вывешивается нанайский трехцветный флаг *алха тун*. Он символизирует гармонию мироздания. Зеленый цвет – *солги тун*, обозначает кормовую базу всех живых существ на земле. Красный – *сэгде тун*, разум человеческого рода. Синий – *нёнгиан тун*, символизирует воздушную и водную стихию [4; 20, с. 286]. По словам Екатерины Дмитриевны Самар, гости должны были обязательно разделить поровну и съесть из вазочки ритуальную пищу для верховного божества неба. Считается, что это принесет здоровье, благополучие и удачу на весь год. В вазочке обычно были фрукты, печенье, конфеты (Белая Е. Г. Полевые материалы. Кондон, Бельго, 2019).

Праздник национальной кухни *Амта* ("вкусно") проводится в обоих селах, но в разное время. Обычно в культурную программу включают национальные игры, состязания, которые служат своеобразной подготовкой к промысловому сезону, развивая ловкость и выносливость. Игры и забавы – важная составляющая этнического самосознания, способ нравственного воспитания молодого поколения.

Таким образом, мы видим в настоящее время сохранение и/или возрождение традиционных нанайских праздников, которые причудливо соединяются с русскими. Важно и то, что праздники по основному руслу Амура и в районе р. Девятка обладают этнотерриториальной спецификой, выступая зримым маркером элементов историко-культурного ландшафта.

Литература

1. Агроклиматический справочник по Хабаровскому краю / Гл. упр. гидрометеорол. службы при Совете Министров СССР. Ленинград: Гидрометеиздат, 1961. 204 с.: табл., карты.
2. Берг Л. С. Ландшафтно-географические зоны СССР. Ч. 1. М.-Л.: Сельхозгиз, 1931. 401 с.
3. Березницкий С. В. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов Амуро-Сахалинского региона. Владивосток. Дальнаука. 2003. 682 с.
4. Гаер Е. А. Традиционная бытовая обрядность нанайцев в конце XIX – начале XX в. М: Мысль, 1991. 128 с.
5. Давыдов В. Н., Симонова В. В., Сем Т. Ю., Брандишаускас Д. Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах. Отношения человека и природы в Байкальской Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2016. 196 с.
6. Дахин С. Д. Историко-культурный ландшафт как основа комплексного анализа материального культурного наследия поликультурного региона // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 187–190.
7. Джарылгасинова Р. Ш., Крюков М. В. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М.: Наука, 1985. 264 с.

8. Дикie съедобные растения / под ред. акад. В. А. Келлера. АН СССР; Моск. ботан. сад и Ин-т истории матер. культуры им. Н. Я. Марра. М.: б. и., 1941. С. 8–40.
9. Елина Г. А. Аптека на болоте: Путешествие в неизведанный мир. СПб.: Наука, 1993. 496 с.
10. История и культура нанайцев: историко-этнографические очерки / отв. ред. В. А. Тураев. СПб.: Наука, 2003. 326 с.
11. Киле А. С. Искусство нанайцев: вышивка, орнамент. Традиции и новации. Хабаровск: Российский Медиа Альянс, 2004. 130 с.
12. Кочешков Н. В. Декоративное искусство народов Нижнего Амура и Сахалина. СПб.: Наука, 1995. 152 с.
13. Ларькин В. Г. Орочи: Историко-этнографический очерк (с середины XIX в. до наших дней). М.: Наука, 1964. 175 с.
14. Латушко Ю. В. Формирование физического и символического пространств Восточной России // Россия и АТР. 2018. № 4. С. 7–10.
15. Мальцева О. В. Горинские нанайцы: система природопользования. Традиции и новации: XIX – начало XXI в. // Дисс. ... канд. исторических наук: 07.00.07. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии РАН, 2008. 213 с.
16. Никонов В. И. Природные урочища Приэвронья // Вопросы географии Приамурья. 1967. Хабаровск: Изд-во ХГИИ. С. 57–79.
17. Открытый архив СО РАН // Фонд этнографических экспедиций. Фонд экспедиций к нанайцам, [Электронный ресурс]. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu_kray_634993802507080078_5789 (дата обращения 02.10.2019).
18. Подмаскин В. В. Народные знания тунгусо-маньчжуров и нивхов: проблемы этногенеза и этнической истории. Владивосток: Дальнаука, 2006. 540 с.
19. Самар А. П. Традиционное собаководство нанайцев. Владивосток: Дальнаука, 2011. 255 с.
20. Самар Е. Д. Под сенью Родового Древа. Книга вторая. Записки об этнокультуре и воззрениях гэринских нанайцев Самандё-Моха-Монгол. Хабаровск: Рыбак Хабаровского края, 2016. 312 с.
21. Стрелецкий В. Н. Культурно-ландшафтные исследования в Германии: традиции и современность // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. М.: Изд-во МГУ. 2003. С. 42–54.
22. Титорева Г. Т. Художественные особенности орнаментального искусства нанайцев // Дис. ... канд. Искусствоведения: 17.00.04. Санкт-Петербург, 2004. 280 с.
23. Шретер А. И. Лекарственная флора советского Дальнего Востока. Москва: Медицина, 1975. 327 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Agroklimaticheskij spravocnik po Khabarovskomu krayu / Gl. upr. gidrometeorol. sluzhby pri Sovete Ministrov SSSR. Leningrad: Gidrometeoizdat, 1961. 204 s.: tabl., karty.
2. Berg L. S. Landshaftno-geograficheskie zony SSSR. CH. 1. M.-L.: Sel'khozgiz. 1931. 401 s.
3. Bereznijskij S. V. Ehtnicheskie komponenty verovanij i ritualov korennykh narodov Amuro-Sakhalinskogo regiona. Vladivostok. Dal'nauka. 2003. 682 s.
4. Gaer E. A. Traditsionnaya bytovaya obryadnost' nanajtsev v kontse XIX – nachale XX v. M: Mysl', 1991. 128 s.
5. Davydov V. N., Simonova V. V., Sem T. Yu., Brandishauskas D. Ogon', voda, veter i kamen' v ehvenkijskikh landshaftakh. Otnosheniya cheloveka i prirody v Bajkal'skoj Sibiri. SPb.: MAEH RAN, 2016. 196 s.
6. Dakhin S. D. Istoriko-kul'turnyj landshaft kak osnova kompleksnogo analiza material'nogo kul'turnogo naslediya polikul'turnogo regiona // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2012. № 3. S. 187–190.
7. Dzharylgasimova R. SH., Kryukov M. V. Kalendarnye obychai i obryady narodov Vostochnoj Azii. Novyj god. M.: Nauka, 1985. 264 s.
8. Дикie съедобные растения / под ред. акад. В. А. Келлера. АН СССР; Моск. ботан. сад и Ин-т истории матер. культуры им. Н. Я. Марра. М.: б. и., 1941. С. 8–40.
9. Elina G. A. Apteka na bolote: Puteshestvie v neizvedannyj mir. SPb.: Nauka, 1993. 496 s.
10. Istoriya i kul'tura nanajtsev: istoriko-ehtnograficheskie ocherki / отв. ред. В. А. Тураев. СПб.: Наука, 2003. 326 с.
11. Kile A. S. Iskusstvo nanajtsev: vyshivka, ornament. Traditsii i novatsii. Khabarovsk: Rossijskij Media Al'yans, 2004. 130 s.
12. Kocheshkov N. V. Dekorativnoe iskusstvo narodov Nizhnego Amura i Sakhalina. SPb.: Nauka, 1995. 152 s.
13. Lar'kin V. G. Orochi: Istoriko-ehtnograficheskij ocherk (s serediny XIX v. do nashikh dnei). M.: Nauka, 1964. 175 s.

14. Latushko Yu. V. Formirovanie fizicheskogo i simvolicheskogo prostranstv Vostochnoj Rossii // Rossiya i ATR. 2018. № 4. S. 7–10.
15. Mal'tseva O. V. Gorinskie nanajtsy: sistema prirodopol'zovaniya. Traditsii i novatsii: XIX – nachalo XXI v. // Diss. ... kand. istoricheskikh nauk: 07.00.07. Novosibirsk: In-t arkheologii i etnografii RAN, 2008. 213 s.
16. Nikonov V. I. Prirodnye urochishha Priehvoron'ya // Voprosy geografii Priamur'ya. 1967. Khabarovsk: Izd-vo KhGPI. S. 57–79.
17. Otkrytyj arkhiv SO RAN // Fond etnograficheskikh ehkspeditsij. Fond ehkspeditsij k nanajtsam, [Elektronnyj resurs]. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu_kray_634993802507080078_5789 (data obrashheniya 02.10.2019).
18. Podmaskin V. V. Narodnye znaniya tunguso-man'chzhurov i nivkhov: problemy etnogeneza i etnicheskoj istorii. Vladivostok: Dal'nauka, 2006. 540 s.
19. Samar A. P. Traditsionnoe sobakovodstvo nanajtsev. Vladivostok: Dal'nauka, 2011. 255 s.
20. Samar E. D. Pod sen'yu Rodovogo Dreva. Kniga vtoraya. Zapiski ob ehknokul'ture i vozzreniyakh gehrinskikh nanajtsev Samandyo-Mokha-Mongol. Khabarovsk: Rybak Khabarovskogo kraja, 2016. 312 s.
21. Streletskij V. N. Kul'turno-landshaftnye issledovaniya v Germanii: traditsii i sovremennost' // Kul'turnyj landshaft: teoreticheskie i regional'nye issledovaniya. M.: Izd-vo MGU, 2003. S. 42–54.
22. Titoreva G. T. Khudozhestvennye osobennosti ornamental'nogo iskusstva nanajtsev // Dis. ... kand. Iskusstvovedeniya: 17.00.04. Sankt-Peterburg, 2004. 280 s.
23. SHreter A. I. Lekarstvennaya flora sovetskogo Dal'nego Vostoka. Moskva: Meditsina, 1975. 327 s.

Латушко Ю. В., Самар А. П., Белая Е. Г., Левченко А. В. Историко-культурные ландшафты Амура в современной нанайской культуре (по материалам полевого исследования 2019 г.).

В статье раскрывается понятие историко-культурного ландшафта, дается оценка его отражению в сознании, трансформации представлений о нем в современной культуре нанайцев, а также анализируется трансляция данного образа посредством современного прикладного творчества и праздничной культуры. Работа представляет собой результат реализации первого этапа комплексного проекта по изучению историко-культурных ландшафтов Северной Пасифики и базируется на проведенном летом 2019 г. полевом исследовании в бассейне р. Амур (в селах Бельго и Кондон). Помимо сбора ценной антропологической информации, выявлены общие и особенные территориально дифференцированные элементы культуры указанных групп.

Ключевые слова: *Антропогеография, историко-культурный ландшафт, Амур, нанайцы, географические представления, искусство, праздники*

Latushko Yu. V., Samar A. P., Belaya E. G., Levchenko A. V. The historical and cultural landscapes of the Amur River in modern Nanai culture (based on field study materials, 2019).

The article reveals the concept of historical and cultural landscape, assesses its reflection in consciousness, the transformation of ideas about it in the modern Nanai culture, and analyzes the translation of this image through modern arts and crafts and festive culture. This work is the result of the implementation of the first stage of a complex project for study of the historical and cultural landscapes of the North Pacific and is based on a field study conducted in the summer of 2019 in the Amur river basin (in the villages of Belgo and Condon). In addition to collecting valuable anthropological information, common and territorially unique elements of the culture of these groups are identified.

Key words: *Anthropogeography, historical and cultural landscape, Amur River, Nanai, geographical images, art, holidays*

Для цитирования: Латушко Ю. В., Самар А. П., Белая Е. Г., Левченко А. В. Историко-культурные ландшафты Амура в современной нанайской культуре (по материалам полевого исследования 2019 г.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 106–121. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/106-121

For citation: Latushko Yu. V., Samar A. P., Belaya E. G., Levchenko A. V. The historical and cultural landscapes of the Amur River in modern Nanai culture (based on field study materials, 2019) // Oikumena. Regional researches. 2019. № 4. P. 106–121. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/106-121

